

The background of the cover is a painting. It depicts a night scene with a large, pale full moon in a dark blue sky. Below the moon is a body of water, which reflects the moon and the sky. In the foreground, there are dark, silhouetted branches of a tree or shrub, covered in small, light-colored flowers, possibly cherry blossoms. The overall mood is serene and magical.

Анна Аравина

Предсказание звездочёта

сказка

Анна Аравина

Предсказание звездочёта. Сказка

«Издательские решения»

Аравина А.

Предсказание звездочёта. Сказка / А. Аравина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506060-0

Если Вам интересен мир эльфов, русалок, рыцарей, колдовства и чудес, то эта книга для Вас. Её первая часть написана по мотивам ирландской народной сказки «Волшебный кубок Финвары». Автор переработал эту удивительную фантастическую историю, дополнив новыми персонажами и сюжетными линиями, а также написав её продолжение. Отважные герои, дружба, любовь и приключения ждут Вас на страницах произведения А. Аравиной.

ISBN 978-5-00-506060-0

© Аравина А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Охотник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Предсказание звездочёта

Сказка

Анна Аравина

Редактор Юлия Баяндина

Иллюстратор Алиса Мартынова

© Анна Аравина, 2019

© Алиса Мартынова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6060-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Охотник

- Эй, путник, доброго здоровья тебе! Откуда и куда путь держишь?
- Доброго здоровья и тебе. Иду оттуда, где меня уже нет, туда, где я еще буду.
- Что ж, коли тайна, так и не говори. Скажи хотя бы, где дорога к Доброграду? Правильно ли я еду?
- Дорога к Доброграду – вот она. Но едешь ты вряд ли правильно...
- Чудной ты человек! – засмеялся молодой рыцарь. – Если дорога верная, отчего ж я неправильно еду?
- От того, что хотя город и называется Доброград, добрых людей ты там вряд ли встретишь...
- Ах вот оно что! Видно, обидели тебя там, – весело заметил юноша. – Так мне дела нет, добры ли там люди. Я еду увидеть тамошнюю красавицу Шейлу. Слух о ее красоте достиг даже моего замка, а я – из Западных земель, что за Большими лесами. Хочу увезти ее к себе, если, конечно, она так красива, как о ней говорят. Видел ли ты ее, путник?
- Опоздал ты, рыцарь... Нет ее уже там.
- Странник повернулся и тихо пошел прочь, продолжая свой путь
- Вот досада! – рыцарь в задумчивости почесал затылок. – Но кто увез ее? Может, я еще смогу побороться? А если нет, то хотя бы взглянуть на нее, уж больно красива, говорят... Погоди! Не знаешь ли ты, где искать ее теперь, добрый человек? Эй, стой, подожди, остановись!..
- Рыцарь развернул коня и догнал путника, преградив ему дорогу. Тот вынужден был остановиться.
- Или я невежливо спрашиваю тебя? Или ты неожиданно оглох? – возмутился юноша.
- Я не понял, что ты обращаешься ко мне.
- Так к кому же еще? Разве тут есть кто-нибудь, кроме нас?
- Ты назвал меня «добрый человек». Можно ли назвать так того, кто носит это клеймо? – странник резко поднял вверх руку. От этого неожиданного движения конь рыцаря шарахнулся в сторону и заржал; юноша натянул поводья, удерживая лошадь, но увидел, как широкий рукав плаща путника съехал вниз, обнажив кожу, на которой красовался рубец в форме черепа.
- Презренный убийца! – воскликнул рыцарь, вытаскивая из ножен меч. – Ты ушел от правосудия, но от меня, Рыцаря Меча, ты не уйдешь!
- Ты готов казнить меня прямо здесь, не узнав моей вины? – спокойно спросил обладатель клейма, вновь спрятанного под одеждой. – Даже у «добрых» людей из Доброграда, наградивших меня этим знаком, не поднялись руки это сделать.
- Так ты не сбежал? – чуть охладил свой пыл рыцарь, но меч не убрал, держа его острие у горла пешего собеседника. – Или ты такой хитрец, что вину твою не смогли доказать? Впрочем, мне нет дела до судебных делишек. Я знаю, что такие клейма не ставят просто так! Так что ж ты сделал? Отвечай правдиво, или я, не задумавшись, отрублю тебе голову!
- Стало быть, Доброград, все-таки, не зря так называется, если в прочем мире все – такие, как ты...
- Не морочь мне голову! Отвечай! – закричал пылающий гневом юноша, и меч его дрогнул, чуть прикоснувшись к слегка выступающему из-под капюшона подбородку странника.
- Я посмеялся над девушкой, – не отступив ни шага, отвечал заклеянный. – Она не выдержала этого, заболела и умерла.
- Что ты несешь, презренный убийца? Как можно умереть от шутки? Или ты принимаешь меня за дурака?! – грозно нахмурившись, воскликнул юноша. Он готов был уже занести свой меч и снести наглицу голову, как тот вздернул руки, как бы предупреждая его, и сказал:

– Я тоже думал, что это невозможно... Но оказалось, я слишком сильно задел ее чувства. Я не хотел этого!

В последней фразе «шутника» рыцарю послышалось столько раскаяния, что, он невольно опустил свой меч, убрав его от лица путника, и попросил:

– Расскажи же, как это случилось?

– Я уже много времени потерял, разговаривая с тобой, а мне еще следует найти себе на ночь пищу и прибежище.

– Здесь недалеко есть постоялый двор, я видел его по дороге сюда, ты еще сможешь дойти до него до захода солнца.

– Мне следует избегать общества людей. Кто-нибудь может увидеть клеймо... Я не хочу новых бед. Я переночую в пещерах у Могучей реки, а туда путь неблизкий, мне нужно спешить.

Странник обошел коня и двинулся дальше по дороге.

– Но скоро река станет полноводной и затопит пещеры, – сказал вослед ему юноша.

– Я не вчера родился, рыцарь: это будет лишь временное пристанище, – не останавливаясь, ответил ему отшельник.

Юноша подумал и направил коня следом за странником.

– Я, пожалуй, доеду туда вместе с тобой, – сказал он, догнав человека с клеймом. – Уж очень хочется услышать мне твою историю. В конце концов, надо же мне убедиться, что ты не врешь. А смысла ехать в Доброград теперь нет.

– Да, смысла нет, – угрюмо буркнул тот и прибавил шагу.

Отверженный людьми шел очень быстро, легко взбираясь на холмы, спускаясь в овраги, срезая путь по бездорожью, так что рыцарь, бывший в седле еще с рассвета и прежде сильно торопившийся в Доброград, совершенно вымотался, хотя и ехал верхом. И только спустившись в долину реки, юноша возобновил разговор.

– Ты ходишь очень быстро, – обратился он к спутнику. – Ты раньше не служил ли скороходом?

– Нет, я всегда был охотником.

Странник остановился и скинул с себя плащ, широкими складками полностью скрывавший его фигуру. Теперь перед рыцарем стоял статный красавец в полном охотничьем облачении, только рукава его костюма были кем-то небрежно оторваны, и красный шрам, оставленный раскаленным металлом, отчетливо выделялся на загорелом предплечье. На поясе охотника с правого бока висел длинный кинжал, а слева небольшой арбалет и колчан со стрелами. Юношу несколько обескуражил мужественный облик его спутника: охотник выглядел старше, чем он, но, тем не менее, был еще молод, и, по всей видимости, мог сразить не одно женское сердце своей яркой внешностью. В сердце юноши мелькнула зависть, но тут же прошла, ибо странник пошевелил рукой, снимая с пояса арбалет, и рубец вновь попал в поле зрения всадника. Вдруг рыцарь увидел, как арбалет в одно мгновение был вскинут вверх, а стрела устремлена прямо в его юный лоб. В испуге рыцарь пригнулся, сильно пришпорил коня, направив его прямо на противника, и быстро вытащил из ножен меч. Но охотник тут же ловко отпрыгнул в сторону, и всадник промчался мимо. Когда рыцарь в ошеломлении и ярости развернул коня, чтобы снова броситься в бой, его спутник уже опустил оружие и громко смеялся.

– У тебя хорошая реакция, – прервав свой смех, сказал охотник. – Успокойся и вложи свой меч в ножны. Просто я хотел показать тебе, до чего может довести любопытство неопытного рыцаря. И с чего ты решил, что я буду что-то рассказывать тебе? Зачем ты поплелся за мной? За одну эту минуту я дважды успел бы всадить в тебя стрелу, и никто не помог бы тебе в столь нелюдом месте.

Он отвернулся, поднял плащ и пошел к реке. Всадник отдышался, успокоил коня, погладив его по холке, и ответил так, что слова его словно отчеканились в воздухе:

– А ты, действительно, – шутник. И шутки у тебя – дурацкие!

Отшельник остановился, обернулся, и юноша увидел, что ни следа веселости не осталось на лице охотника: оно побледнело, глаза злобно сверкнули. Мужчина опустил взгляд и мрачно проговорил:

– Ты прав, рыцарь.

Он вновь повернулся и зашагал дальше. Всадник тихо поехал за ним следом.

Солнце заходило. Пока рыцарь поил у реки коня, охотник подстрелил дикую утку и, разведя в одной из прибрежных пещер огонь, изжарил птицу на костре.

Ароматный дым достиг ноздрей проголодавшегося юноши, но проситься на ужин ему не позволяла гордость и его представление о чести и достоинстве благородного воина.

– Эгей, рыцарь! – донесся до него голос охотника. – Иди к костру, холодает. И коли уж поделил со мной сегодня путь, так подели и пищу.

Юноша обрадовался, но виду, конечно, старался не подавать. Привязал коня к корневичу дерева, возвышавшемуся над пещерой, и вошел внутрь.

– Спасибо, – поблагодарил он, взяв из протянувшей ему руки кусок в половину утки, и глаза его помимо воли, все-таки, блеснули радостью.

– Как тебя зовут, рыцарь? – спросил усевшегося у огня и уже жующего юношу охотник.

– Рик, – ответил тот, но тут же поправился. – Родерик, Рыцарь Белого Меча из Зеленого Замка. А тебя, охотник?

– А меня – просто Генри.

– Ну... Меня тоже можно звать просто Рик, – чуть подумав, сказал юноша. – В конце концов, я же сижу у твоего костра.

– Спасибо за оказанную честь, – усмехнулся охотник.

– Пожалуйста, – не заметил насмешки увлекшийся ужином рыцарь.

– Я решил все же поведать тебе свою историю, Рик...

Юноша сразу же наострил уши, даже забыв доглотать последнюю косточку.

– Во-первых, – продолжил охотник, растянувшись на земле у костра и положив свой свернутый плащ себе под голову. – После этого ты, я надеюсь, отвяжешься от меня, и мне не придется тебя кормить, а во-вторых, это поможет тебе избежать в дальнейшем возможных ошибок.

Хотя вступление не слишком понравилось Родерику, он не стал перебивать собеседника.

– Итак... У нас в городе раз в четыре года проходит большая ярмарка. Съезжается много народа из окрестных деревень, устраиваются большой праздник и соревнования. На сей раз, задание для состязающихся мужчин было очень сложным: нужно было забраться почти по отвесной стене и пройти по тонкому канату на большой высоте, а потом – по крыше самой высокой в городе башни и снять почерневший от времени флюгер с ее шпиля. Задание придумал городской глава, не упустивший случая таким образом привести башню в надлежащий вид. Все, кто пытался это сделать до меня, сорвались уже с небольшой высоты, но я сумел добраться до самого каната, и в тот момент из толпы, собравшейся внизу, вдруг раздался голос. Это закричала та самая девушка: «Генри, не лезь дальше! Ты можешь разбить себе голову!» «Конечно, – крикнул я в ответ. – Но что тебе до моей головы?» И я ступил на канат и пошел по нему. Все замерло, но когда я дошел до крыши и ухватился за ее кромку, снизу закричали: «Молодец!», некоторые захлопали в ладоши, но прежний голос крикнул, что было силы: «Генри, не ходи дальше! Я люблю тебя! Я хочу выйти за тебя замуж!» От этих слов я, на самом деле, чуть было

не сорвался. Я еще никогда не слышал столь откровенного признания от девушки да еще при таком скоплении народа. Я не делал ей предложения, даже не ухаживал за ней, и такое ее поведение показалось мне вызывающим. Многие услышали ее крик, и затихли в ожидании моего ответа. «Ты можешь желать и дальше. Но и мне позволь делать, что я хочу! – крикнул я. – Я никогда не женюсь на тебе!» Внизу некоторые засмеялись, потом кто-то заохал, но я полез дальше и уже не обращал внимания на то, что там творится. Я достал до флюгера и снял его, а когда спустился, мне сказали, что после моих слов девушка от стыда закрыла лицо руками и упала в обморок, и ее отнесли домой. Я подумал: «Так ей и надо: не будет в следующий раз соваться, куда ее не просили, и делать при людях подобные заявления». Я принял поздравления с победой и получил приз, и пошел веселиться дальше, и лишь немногие посмотрели на меня с неодобрением. Время шло, и с каждым днем я стал замечать все больше осуждающих взглядов. Наконец, через несколько дней, ко мне в дом вошли несколько человек. Они сказали, что девушка, проплакавшая все это время, не снеся унижения, которым я одарил ее, умерла. Они обвиняли меня в ее смерти и требовали ответа. Я не поверил им и выбежал на улицу, чтобы пойти к ее дому, но в этот момент подошла городская охрана. Меня отвели на площадь, где посередине стояла повозка, на которой я увидел усыпанный цветами труп. Большая часть города пришла проститься с ней. Завидя меня, многие закричали: «Возмездия!». Но городская охрана сдержала толпу, а старейшина, который подошел в то время к повозке, призвал к тишине и спросил меня: «Ты слышал, в чем обвиняют тебя. Что ты можешь сказать в свою защиту?» «Я не виноват, – ответил я. – Я всего лишь сказал, что не женюсь на ней, но я не хотел ее смерти». Толпа снова возмутилась. «Бессердечный!» – кричали люди. Тогда я сказал: «Пусть тот, кто считает, что я виноват, выйдет и поборется со мной. Нас рассудят боги!» И несколько человек вышли вперед, хотя и знали, что я – самый сильный и ловкий, среди живущих в Доброграде. Но старейшина поднял руку. «Я принял решение», – заговорил он. «Вы, – обратился он к вставшим передо мной храбрецам. – Забудьте про бой. Хватит нам на сегодня и одной смерти». «А ты, – обратился он ко мне. – Хотя и не убивал, но – убийца. По закону я не могу предать тебя казни, но я изгоняю тебя из города. И прежде, чем ты уйдешь, тебя заклемят, чтобы люди знали, с кем имеют дело, и ты не смог больше никому причинить вреда своей жестокостью. Уходи к диким зверям, там твое место!» Охранники схватили меня, оборвали рукава, и палач тут же прижег мне кожу. Меня вытолкнули за городские ворота в том, в чем я был, и лишь какая-то старушка, сжалившись, бросила в последний момент мне этот плащ.

Охотник привстал, поплотнее свернул свою импровизированную подушку, оперся об нее одной рукой, а второй подбросил в тлеющий огонь сухих веток.

– Издалека я смог наблюдать, как из других ворот города вывезли к Голубой реке труп той, что любила меня, чтобы отправить ее в последний путь... Говорили, что она происходила из рыбацкой семьи, хотя никто никогда не видел ни ее матери, ни отца. Она пришла к нам в город из какой-то деревушки, что у берега моря. Видимо, кто-то вспомнил об этом, и похоронили ее, как принято среди рыбаков – положили в лодку и отправили по течению, чтобы труп унесло волнами. Когда все разошлись, я пошел по берегу той реки, пока лодка не скрылась из вида, переночевал в прибрежных зарослях, а потом вспомнил про здешние пещеры, и вышел на дорогу, где позже и встретил тебя, рыцарь.

– Да, жаль ее... – с грустью сказал Рик. – Как же ты не понял сразу, что так сильно обидел ее? Ты бы мог еще извиниться...

– Девушки и раньше признавались мне в любви, но всегда втихаря, не прилюдно. И когда я отказывал им, никто не умирал, их страданий хватало максимум на две недели, а потом они благополучно выходили замуж за других парней. Я не мог и помыслить, что на этот раз все случится по-другому... Похоже, она и вправду сильно любила меня. Но я понял это и пожалел слишком поздно.

Генри тяжело вздохнул и замолчал, и некоторое время спутники сидели, слушая лишь потрескивание в огне сухих веток да шорохи ночи, долетавшие в пещеру из внешнего мира.

– Что же ты будешь делать теперь? Скоро прибудет вода...

– Не знаю, решу, когда она прибудет... Странно, рыцарь, что ты знаешь про особенности Могучей реки – ты же прибыл издалека и, похоже, никогда здесь еще не был?

– Я хорошо образован. У нас в замке живет старый звездочет. Он знает всё. Ну, или почти всё, – добавил Родерик, поймав недоверчиво-насмешливый взгляд собеседника. – Он и был моим учителем. Это он предсказал мне, что несравненная красавица Шейла, что живет в Доброграде, принесет мне славу мужественного и доблестного рыцаря. И когда я собрался в дорогу, он поведал мне обо всех опасностях, что могут встретиться на пути.

– Твой звездочет, может, и хороший учитель, но никуда не годный предсказатель, ведь Шейла не сможет теперь принести тебе ни доблести, ни почета.

– Почему? – возразил юноша. – Я думаю, что смогу, быть может, еще найти ее... Кстати, ты не знаешь, где мне теперь ее искать?

– Тебе придется избороздить всё море... А если захочешь найти еще и ее душу, то придется подняться в небо. Ту девушку, о которой я рассказывал, звали Шейла.

Некоторое время Родерик пытался собрать мятущиеся мысли, а потом произнес:

– Я сейчас же вызвал бы тебя на смертный бой, не будь я гостем в твоём доме.

– Доме?

– Доме, пещере... – какая разница? – раздраженно заговорил юноша. – Ты обрек на смерть мою суженую, а я сижу у твоего огня и ем пищу из твоих рук... И дурацкие правила гостеприимства не позволяют мне отрубить тебе голову!

– Ты еще и хорошо воспитан, рыцарь, – заметил Генри, глядя на хрупкую фигуру юноши, дрожащую то ли от ночного холода, то ли от ярости, потом подкинул в тлеющий костер сучьев, разворошил его, пламя выросло, обдало теплом. Охотник протянул свой плащ Рикку:

– На, согрейся!

Рыцарь замотал головой, отказываясь.

– Если я – хозяин этой пещеры, как ты говоришь, позволь и мне соблюсти правила гостеприимства и отдать лучшее гостю.

Чуть посомневавшись, Рик, все-таки, взял плащ и закутался в него.

– Хорошо, – сказал он. – Но завтра я вызову тебя на честный поединок.

Генри насмешливо вздохнул.

– Конечно, – ответил он. – Но сейчас я предлагаю поспать. Я устал.

Он растянулся прямо на земле возле костра и закрыл глаза. Рик некоторое время сидел, приглядываясь к спутнику. Но тот ровно и спокойно дышал во сне, и юноша, отстегнув меч от пояса и получше обернувшись плащом своего соперника, наконец, тоже уснул.

Рик проснулся в темноте и холоде. Он увидел, что пламя костра, доселе согревавшее его, совсем погасло, а охотника в пещере не было. «Неужели сбежал?» – подумал юноша, но не поверил сам себе.

– Генри? – позвал он.

Никто не отозвался. Рыцарь встал, скинул плащ и вышел из пещеры. В темноте фыркнула лошадь, узнав хозяина.

– Тише, Лучик, тише, – Рик подошел к коню и успокаивающе погладил его. Луна выглянула из-за туч, осветив речной берег, и юноша разглядел фигуру человека, стоящего у зарослей осоки у самой кромки воды и глядевшего куда-то вверх. Родерик, оставив коня, пошел вперед

и, подойдя ближе, окончательно убедился, что это Генри. Тот обернулся, посмотрев на рыцаря, а потом снова молча перевел взгляд на небо.

– Что ты тут делаешь? – тихо спросил юноша, подойдя совсем близко, и пытаюсь проследить взглядом направление, куда смотрел охотник. – Ты умеешь читать будущее по звездам?

– Да, похоже, что умею, – негромко засмеялся Генри, а потом отрицательно покачал головой. – Смотри, видишь ту яркую-яркую звезду справа.

Он показал рукой на усыпанное звездами небо, и Рик, действительно, увидел большую и неправдоподобно ярко мерцающую звезду.

– Эту же звезду я видел очень давно, еще в детстве. Мы охотились с отцом в Дремучем лесу у Таинственных гор. Мы зашли глубоко в лес и заночевали там в пустой охотничьей хижине. Ночью я проснулся от ощущения, как будто кто-то легонько щекочет мне ухо. Я открыл глаза, но никого не увидел, кроме спящего рядом отца. Наверное, это была просто муха. Я вышел наружу, и на небе увидел эту самую звезду... Теперь я знаю, куда мне идти.

– Ты пойдешь в Дремучий лес? Один? Это же совсем глухое место... Звездочет говорил, что лучше всего даже не приближаться к нему!

– Мне, как раз, кстати, что это место – глухое. Там есть хижина, если она еще стоит, ее можно будет приспособить под постоянное жилье, и там много дичи – я не пропаду с голода.

– Но говорят, там – логово разбойников, а дальше, на предгорьях, иногда появляется Призрачный Замок, он приманивает людей, но кто заходит в него – никогда не возвращается обратно. Странно, что отец повел тебя туда.

– Отец говорил, что вот такие, окруженные страшными легендами, леса – находка для настоящего охотника. Туда бояться ходить люди, значит, там много никем не пуганого зверья. И это правда – мы не встретили там ни разбойников, ни замка, зато добыча наша была велика. Но лес этот слишком далеко от Доброграда, и мы охотились там вместе лишь однажды.

– Вам просто повезло. Звездочет говорит, что легенды редко врут.

– Возможно. Но вот предания говорят, что перед приходом большой воды здесь обычно плещутся русалки. Сквозь сон я услышал шорохи и плеск, решил, что это они, вышел посмотреть, но не вижу ни одной.

– И ты не боишься, что они завлекут тебя пением и утопят?

– Смерть мне теперь не страшна: с этим клеймом я всегда буду отвержен людьми, а в полном одиночестве жизнь не мила.

– Что-то ты вчера не торопился умереть от моего меча, – съехидничал рыцарь.

– Смерть смерти рознь. Сравнил – смерть в объятиях русалки или от меча такого молодкоса, как ты!

– Утром мы будем драться! – вспыхнул, вновь обиженный, Рик.

– А почему не прямо сейчас? – спросил охотник. – Мы же уже не в пещере...

Юноша растерянно посмотрел на Генри, потом пощупал рукой себя за талию.

– Я... Я меч в пещере оставил...

– Герой... – развеселился охотник.

На лице рыцаря было такое выражение, что казалось, он вот-вот заплачет.

– Разве можно ходить без оружия? Ты же не в своем замке, рыцарь! – по-доброму попрекнул его Генри, но потом вдруг схватил Рика за плечо, понуждая не двигаться, а указательный палец второй руки прижал к своим губам, призывая того к молчанию. В тишине раздался хруст веток, потом над обрывом, в котором находились пещеры, показались две мужские фигуры. Мужчины прошли вдоль по его кромке и, найдя в стороне наиболее пологое место, стали спускаться к берегу реки. Генри махнул юноше, указав на небольшие заросли кустарника. Пригнувшись, чтобы не выделяться на фоне прибрежной осоки, они пробрались к кустам, и, спрятавшись за ними, стали наблюдать за приближающимися людьми.

Одетые, как рыбаки, те спустились к берегу, и остановились с противоположной стороны кустарника.

– Ё-моё! – выругался один из них. – Ни одной не попалось.

– Подожди, они должны появиться перед рассветом, – тихо, с раздражением ответил другой. – Не говори о том, чего не понимаешь. Ты думал, они будут спокойно бултыхаться в твоих сетях, как обычная рыба, и ждать, когда ты придешь и вытащишь? Они бы давно уже вырвались, позвав своих на помощь. Мы специально пришли сюда сейчас, потому что, как только какая-нибудь попадется, сразу надо тянуть. Понял, дурачье?.. Тихо! Смотри!

В тишине с реки донесся еле слышный плеск, потом он стал громче, и, наконец, посередине реки над поверхностью воды мелькнул просиявший отражением лунного света кончик большого рыбьего хвоста. А через минуту на том же месте из воды вынырнула голова, человеческая по форме, но волосы на ней были сильно спутаны и напоминали водоросли. Русалка (а это, как поняли спутники, несомненно, была именно она) подплыла к берегу и взобралась на опрокинутый в воду ствол старого дерева, откинула назад со лба мешавшиеся волосы, и поиграла в воде хвостом, создавая брызги, заискрившиеся при свете луны фонтанчиками звезд. Налюбовавшись на свою забаву, она стала искать что-то в своих спутавшихся волосах.

– Сейчас петь начнет, затыкай уши! – послышался еле слышный шепот второго рыбака.

Генри слегка тронул Рика за локоть, поведя глазами в сторону рыбаков, и сразу закрыл свои уши руками. Юноша последовал его примеру, заткнув уши пальцами, и во все глаза продолжал следить за русалочкой.

А та достала из волос, что-то похожее на гребень, но тут из воды на глубине вынырнули еще две русалки, по размеру их плеч и хвостов, можно было догадаться, что они взрослее первой. Они стали что-то лепетать первой, но та замотала головой и быстро залепетала что-то в ответ, голосом, напоминавшем одновременно журчание ручья и звук серебряного колокольчика. Старшие ее подруги снова исчезли в воде, потом появились вновь уже значительно выше по течению, закричали что-то и замахали руками, но маленькая русалочка снова замотала головой и отвернулась в другую сторону. Взрослые русалки скрылись в воде, а сидевшая на дереве, устроилась поудобнее и стала расчесывать волосы, по-видимому, напевая.

Рику очень захотелось услышать, как поет русалка. «В конце концов, рядом еще три человека, что сможет сделать одна маленькая русалка против четверых мужчин? Зато я буду одним из немногих, кто слышал ее пение, если, вообще, не единственным!» – подумал он. И приоткрыл ухо. Чудесный голос вмиг проник в его сознание, музыка мурашками пробежалась по всему его телу, окутав сладкой неизъяснимой лаской, возникло страстное желание приблизиться к источнику наслаждения как можно ближе... Не помня себя, рыцарь встал в полный рост, и сделал шаг вперед. Генри попытался подставить ему подножку, но тот лишь споткнулся, но не упал, и почти вышел уже из-за закрывавших их кустов, как вдруг его отрезвил оглушающий свист. Придя в себя, он увидел, что русалка бьется о берег, пытаясь избавиться от опутавшей ее огромной сети, а двое рыбаков тащат ее всё дальше от воды.

– Быстрее, тащи сильнее! – понукал второй рыбак первого. – Пока те две не вернулись!

С усилиями оттаскивая сеть от воды, они не заметили Родерика. Снова раздался оглушительный свист. Юноша понял, что его издала пленница, зовя на помощь. И тут опять случилось нечто неожиданное: кто-то выскочил из-за кустарника, с размаху ударив одного из тащивших сеть и повалив его на землю, а у горла второго блеснул кинжал. Рыцарь удивился, узнав в нападавшем Генри.

– Рик, да помоги же мне! – крикнул охотник, глядя на охающего, поднимающегося с земли мужчину.

Юноша понял просьбу охотника и бросился на встающего рыбака, не дав ему подняться и надавив ему на горло так, что он стал задыхаться. Генри удовлетворенно улыбнулся и сказал:

– Убирайтесь отсюда! И чтобы больше я вас здесь не видел! Мой арбалет стреляет очень точно, а я вижу очень далеко.

Он резко оттолкнул от себя человека, у шеи которого держал кинжал, и вскинул арбалет, внимательно следя за движениями рыбаков.

– Отпусти его, Рик! – разрешил Генри юноше, имея в виду лежащего на земле охотника за русалками. Рыцарь поднялся. Откашливаясь и отдуваясь, рыбак встал:

– Скажите спасибо, что мы не заметили вас раньше... – злобно проворчал он. – Воры! Чужая добыча не будет вам впрок...

– Уходи, пока я не выпустил в тебя стрелу! – крикнул ему охотник.

– Сети хотя бы отдайте! – попросил другой рыбак, успевший уже убежать подальше. Но стрела тут же просвистела прямо у него над ухом, и арбалет был мгновенно вскинут снова. Рыбаки пустились бежать, и вскоре скрылись из виду.

– Пора уходить, – сказал охотник Рiku, но направился не прочь от реки, а к, все еще пытавшейся выпутаться из сетей, русалке.

– Не шевелись! – прикрикнул он на нее, и она замерла от ужаса, ведь в руках Генри снова засверкал кинжал. Но охотник разрезал веревки, и русалка, не веря своему счастью, смогла выбраться и тут же ускользнула в воду. Генри посмотрел ей вслед, и повернулся к Рiku.

– Зачем ты сделал это? – искренне подивился рыцарь.

Генри устало вздохнул и сел на валявшееся на берегу, откуда-то принесенное рекой, бревно.

– А что: какие-нибудь правила этого не позволяют?

– Нет, но... – рыцарь так и не смог закончить фразу.

– Зачем же ты помог мне, если считаешь, что надо было им позволить загубить ее?

– Ты попросил, – просто ответил юноша, присев рядом с охотником. – И я плохо сообщал, что происходит.

– Хм... – хмыкнул Генри. – А мне ее стало жаль. Они посадили бы ее в грязный аквариум и таскали по ярмаркам на потеху публики. Я подумал: смерть в неволе и позоре ничем не лучше кончины от неразделенной любви и обиды.

– Но она же – не человек... – неуверенно возразил юноша. – Ты ведь убиваешь зверей на охоте?

– Убиваю. Ради пропитания. Но не мучаю. Мне никогда не придет в голову выставить раненого зайца на обозрение, чтобы все потешились, глядя, как он умирает, истекая кровью. Но когда-то я наблюдал, как толпа веселилась, рассматривая дрожащую в предсмертных конвульсиях русалку...

– Ты – странный. Ты не пожалел любящую тебя девушку, но пожалел русалку...

Генри задумчиво покачал головой.

– Спасибо! – прожурчало-прозвенело сзади.

Оба собеседника разом обернулись к реке. Из воды недалеко от берега выглядывала уже знакомая головка. Начинало всходить солнце, и в предрассветных лучах спутники смогли получше ее рассмотреть. Личико выглядело совсем юным, почти детским, и было очень миленьким. Большие глаза русалки смотрели радостно, доверчиво и немножко робко.

– Кто вы, мои спасители? – спросила она.

– Ты умеешь говорить по-человечески? – изумился Рик.

– Да, я хорошо училась, – с гордостью подтвердила та. – А почему вы разговариваете между собой по-человечески?

– А как нам разговаривать? – еще больше удивился рыцарь. – Мы же – люди!

– Я думала, вы – эльфы...

– Почему?!

– Эльфы следят, чтобы все в природе было закономерно, а люди нарушают законы. Люди не спасают русалок, наоборот... – русалочка погрузилась.

– Ну, знаешь... Вы тоже топите людей, – возмутился Родерик.

– Мы не топим, вы сами топите, уплывая за нами на глубину.

– А кто приманивает нас пением?!

– Мы не приманиваем, мы просто поем.

– А зачем вы поете?!

– А как же не петь? – совсем удивилась русалка.

– Уши лучше затыкать надо! – вдруг перебил этот диалог Генри, обратившись к Рiku. – Уже светает, мне пора.

Он повернулся, чтобы уйти, но русалочка остановила:

– Подожди! Вы спасли меня от страшной смерти. Что я могу сделать для вас?

– Не знаю, – буркнул охотник.

– А... может, споешь для нас еще разок? У тебя это так красиво получается!

– неожиданно для себя промолвил Рик и удивился собственному предложению.

Русалке этот комплимент, видимо, очень понравился. Она заулыбалась и даже подплыла чуть поближе.

– Спасибо, не надо! – как можно скорее, обратился к русалке Генри, и дернул за рукав юношу. – По-моему, ты уже достаточно наслушался сегодня пения!.. Совсем ошалел...

Охотник вновь собрался уходить, на сей раз потянув Рика за собой.

– Послушайте! – прожурчала русалка. – Если вдруг вам когда-нибудь понадобится моя помощь, просто позовите меня, стоя у реки, и я приплыву. Меня зовут Лёлё.

– Благодарствуем! – ответил Генри, и снова потянул неразумного спутника в сторону пещеры. Юноша поддался и пошел.

– Всего хорошего! – дружелюбно помахал он русалке на прощание.

Та помахала ему в ответ и изящно вильнула серебристым хвостом, уйдя под воду.

– Когда-нибудь любопытство, все-таки, доведет тебя до беды, рыцарь, – убежденно сказал Генри.

Рыцарь нашел свой меч там же, где оставил. Генри перекинул свернутый плащ через плечо и, выйдя из пещеры, пару минут стоял, раздумывая каким путем двинуться дальше. Восход, окрасив воду реки в кровавый цвет, лег на его лицо розовой тенью.

– Эй, – окликнул охотника Родерик. – Мне следует вызвать тебя на бой!

В его голосе дрогнула неуверенность, но, тем не менее, он обнажил свой меч.

Генри посмотрел на Рика и устало вздохнул:

– Следует, так вызывай...

Рыцарь поднял свой меч, приблизившись к охотнику, но снова опустил, растерянно возразив:

– Но у тебя нет меча...

– У меня нет меча, это правда. Но я справлюсь с тобой и так.

Генри поднял валявшуюся тут же большую корягу и приготовился защищаться.

– И все же, это нечестно... – пробормотал рыцарь.

– Дерись же уже! – крикнул на него охотник, слегка пнув корягой. – Надоел ты мне!..

Рик занес свой меч, коряга хрястнула пополам, но Генри увернулся и тут же схватил другую палку. Рыцарь нанес еще несколько ударов, стараясь, тем не менее, не делать смертельных выпадов. Но охотник снова сумел их избежать и, изловчившись, даже больно ударил рыцаря в бок, чуть было не свалив с ног. От этого гнев овладел Риком, и он стал драться в полную силу.

Солнце уже сияло высоко над горизонтом, а тяжело дышащие от усталости противники всё еще дрались... Наконец, Генри в пылу битвы сумел подвести своего соперника к древесной коряге, не заметив которую, тот оступился, но согнувшись, вновь удержался на ногах. Однако момента, пока Родерик восстанавливал равновесие, хватило охотнику на то, чтобы мощно ударить рыцаря по руке, которой он держал меч. Оружие выпало из руки Рика, отлетев в сторону. Рыцарь метнулся за ним, но охотник преградил ему путь, приставив клинок кинжала к шее юноши. Родерик зажмурился, ожидая последнего удара.

Через минуту открыв глаза, он увидел, что Генри, переводя дух, спокойно поднимает с земли свой брошенный плащ.

– Ты не убил меня, – заметил рыцарь.

– Да, но я тебя убью, если ты снова привяжешься ко мне, – ответил охотник. Он накинул на плечо свернутый плащ и вдруг застыл, глядя вверх по течению реки. Родерик внимательно посмотрел туда же и закричал:

– Вода!

– Вижу! Чтоб тебя с твоими поединками!.. – выругался Генри. – Быстрее наверх!

Рик кинулся отвязывать лошадь, а Генри полез вверх по почти вертикальному склону обрыва, вонзая кинжал в землю, а другой рукой и ногами цепляясь за корни растущих по обрыву деревьев.

– Брось коня! – посоветовал он рыцарю, но тот не послушал, а, вскочив на него, понесся галопом вдоль берега прочь от плотной, огромной стеной надвигающейся волны.

– Дурак! Ты не успеешь! – с досадой крикнул ему вдогонку охотник и проворно полез вверх. Шум приближающейся воды оглушил его уши, он увидел, как рыцарь доскакал до относительно пологой части склона, где ночью спускались рыбаки. Рыцарь понукал коня подниматься по склону вверх, но животное постоянно срывалось: для лошади подъем оказался слишком крутым.

– Слезь с коня! Слезь с коня и поднимайся наверх! – вновь закричал ему Генри, но тот, конечно же, не слышал.

Охотник только —только подтянулся к краю обрыва, ухватившись за нижнюю толстую ветвь одного из могучих деревьев, росших наверху, как гул воды достиг апогея, и волна пробежала мимо, затопив пещеры и уволаскивая за собой и коряги, и бревна, и всё, что встречала на своем пути. Генри видел, как Рик, слезший, наконец, с коня, тащил его под уздцы в гору, и как вода, поглотив лошадь, смыла его с середины склона, потащив за собой.

– Идиот... – пробормотал охотник, кинувшись по берегу в сторону случившегося, но увидел, как Рик ушел под воду. И тогда Генри в голову пришла шальная мысль. Ни капли ей не веря, но хватаясь за нее, как за соломинку, он истошно закричал:

– Лё-лё!!!! Лёлё!!!

Он всё еще бежал вдоль обрыва, как вновь увидел белокурую голову рыцаря, мелькнувшую над водой, как будто кто-то подталкивал его снизу, борясь с бешеным течением.

– Лёлё!.. – с облегчением вздохнул Генри, остановился, чтобы отдышаться, и ринулся бежать снова, так как, по всей видимости, русалке было не под силу долго удерживать юношу на поверхности. Их все же сносило течением, как она ни боролась. Иногда охотник терял их из виду, огибая деревья и продираясь сквозь кусты, но потом он снова и снова убеждался, что, умея справляться с родной стихией, русалка, как их ни крутила волна, подталкивала тело рыцаря всё ближе и ближе к берегу. Наконец, на изгибе русла, Лёлё удалось подтащить Рика к стволу дерева, криво росшего прямо на склоне обрыва, и удерживала его, прижав своим телом, пока не подоспел Генри. Он быстро скинул с плеча свернутый плащ, несколько раз чиркнул по нему кинжалом, скрутил ткань толстым жгутом, связал узлами, сделал утягивающую петлю и кинул этот конец русалке. Лёлё живо нырнула, накинув петлю на ноги Рика, и показавшись на поверхности, махнула охотнику. Тот медленно потянул за веревку и вытянул юношу из реки. Русалка, убедившись, что рыцарь уже на берегу, сразу же исчезла в пучине. Генри постарался привести Рика в чувство. Наконец, нахлебавшийся воды Рик пришел в себя. Он долго отплеывался речной водой и дрожал всем телом. Генри оттащил его подальше от реки, уложил его на бок на траву и пошел собирать хворост, чтобы развести огонь.

Берег и здесь порос могучими деревьями, за ними зеленели луга, а еще дальше охотник разглядел возделанные пашни. Горизонт окаймляли горные вершины и леса. Охотник насобирав достаточного сухих веток для костра и вернулся к Рику. Тот тихонько всхлипывал.

– Ты чего? – спросил охотник, достав из голенища сапога кремень и высекая искру.

– Я погубил Лучика... Я загубил своего коня...

– Это не ты, это река.

– Мне следовало подумать, прежде чем вызывать тебя на бой.

– Гм, да ты поумнел, пока барахтался в воде!

– Надо было помнить слова учителя, и драться с тобой в другом месте.

– А, вот ты о чем... А я уж было подумал...

– Да, ты спас меня. Я должен сказать тебе спасибо. Но зачем ты это сделал?

– Это не я, это Лёлё.

– Кто?!

– Ты не помнишь? Русалка. Она вытолкнула тебя из воды, а я только поднял на берег.

– Нет, ну почему у меня всё вот так?!

– Как?

– Всё наоборот! Всё ни как у людей! Русалки вместо того, чтобы топить, – спасают, мой соперник кормит меня и оставляет в живых, когда я вызываю его на поединок, а потом вытаскивает из воды... Я потерял и коня, и меч – ну какой теперь из меня рыцарь?!

Генри с жалостью посмотрел на мокрую сжавшуюся и дрожащую фигуру юноши, подбросил веток в разгорающееся пламя. В тишине был слышен постепенно удаляющийся гул воды, треск и шипение костра и всхлипы «неудавшегося» рыцаря.

– Не убивайся, послушай лучше меня, – сказал, наконец, охотник. – Отец говорил мне, что в жизни следует подчиняться только тем правилам, которые задает сама природа. Всё остальное создано людьми, а люди часто ошибаются. Я и сам наделал бед, подчинившись людским обычаям и предрассудкам, а теперь и ты совершаешь те же ошибки. Зачем ты вызывал меня на бой? Какой я тебе соперник? Мало того, что Шейла давно мертва, так ты даже никогда и не видел ее. И почему мне было не накормить тебя, если ты был голоден, а у меня была еда?

И зачем мне было убивать тебя, если я не держу на тебя зла? Всё это просто смешно... Правила хороши для турниров, а здесь им грош — цена. Иди к огню, так ты быстрее согреешься, и не грусти. Коня ты потерял по своей вине — это правда, если бы ты не вызвал меня на бой, я бы вовремя заметил приближающуюся воду, и мы бы успели уйти. Это большая потеря, но бывает и большее горе... А на меч всегда можно заработать. Я настреляю дичи, и в любой крупной деревне кузнец выкует тебе за нее новый.

— Спасибо, не надо. У меня есть деньги, — ответил Рик, показав на крепко вшитый в его пояс мокрый, но целый кошелек.

— Тем более нет причины унывать: там, за деревьями видны пашни, значит, где-то недалеко есть и деревня; пойдешь и купишь себе оружие, а может быть, даже и коня, и отправишься в обратный путь.

— На коня не хватит, — помотал головой юноша. — И я не вернусь домой.

— Куда ж ты пойдешь?

— Не знаю. Как ты сказал — туда, где меня еще нет.

— Но почему ты не хочешь пойти домой?

— Это позор: вернуться без коня, без невесты, без славы.

— Ты так ничего и не понял из того, что я тебе говорил.

— Я понял. Только мне кажется, что, если в лесу нельзя жить по человеческим законам, то и в людском обществе — нельзя жить по лесным.

— Нет, Рик, — не согласился Генри. — Если б я не побоялся людских пересудов о необычной смелости Шейлы, я бы не ответил ей так резко. Ведь, на самом деле, при ее признании душа моя обрадовалась, но я был слишком горд, чтобы уступить ей.

— Может быть... — задумчиво ответил рыцарь, но потом твердо добавил. — Но я не вернусь в Зеленый Замок.

Генри оставил Рика у огня отогреться и отдохнуть и пошел бродить по окрестностям, пытаясь подстрелить что-нибудь на ужин. Но никакая дичь так и не попала к нему. Пошарив по прибрежным кустам, он наткнулся на гнездо, и принес к костру несколько яиц. Сняв и развесив сушиться одежду, Рик подремывал у еле живого пламени. Охотник запек в горячей золе свою скудную добычу, половину съел, а половину пододвинул к спящему спутнику. Потом, подумав, смотал сделанную из бывшего плаща веревку и накинул ее на плечо. Он уже повернулся, чтобы уйти, но оглянулся на юношу.

— Прощай, рыцарь! — сказал охотник.

Родерик не отзывался: после пережитых приключений, его сон был глубок. Подумав еще немного, охотник отстегнул свой кинжал и положил его рядом с едой. Потом повернулся и пошел прочь от костра, в надвигающуюся ночь.

Прошло несколько дней. Генри упрямо шел в направлении сверкающей ему звезды, продвигаясь вперед только ночью и стремясь обходить людные дороги и жилье. Днем он отсыпался, забиваясь в какие-нибудь наиболее безопасные и защищенные от чужих взоров места. Вот и теперь, на очередном восходе солнца в небольшой рощице, забравшись на старое ветвистое дерево, охотник расположился на его широком изогнутом стволе и приготовился увидеть первый сон. На душе у него было хорошо: он уже почти достиг своей цели. Еще один удачный ночной переход, и он уже будет на опушке Дремучего леса. Сквозь густую крону дерева, он видел за широкой кромкой леса вершины Таинственных гор. Сладко зевнув, Генри закрыл глаза, но тут же открыл их, прислушиваясь. До него доносились голоса и шорох шагов. Плотнее прильнув к дереву, он попытался сквозь густую листву дерева и предутренний сумрак разглядеть источники звуков и увидел несколько нечетких силуэтов людей, приближавшихся к нему

по еле заметной тропинке. Шли они медленно и как-то странно. Сверху это выглядело, как будто ползет большая черепаха. Наконец, охотник понял, что тот, кто идет впереди, пятится, как рак – задом наперед.

– Сейчас мы тебя пощекочем, – многообещающе заявил один из тех, что шел, глядя вперед.

– Не советую ко мне приближаться, – ответил тот, что был спиной к Генри, и голос его показался охотнику знакомым.

В руках все четверо, похоже, держали мечи. Трое из них все больше оттесняли четвертого по направлению к спрятавшемуся, но, не дойдя несколько метров до дерева, где устроился охотник, пятившийся вдруг взмыл в воздух. Он оказался подвешенным за одну ногу и болтался теперь на веревке, прикрепленной к ветке высокого дуба, вниз головой. Ближний из нападавших тут же стегнул по его руке с мечом длинной плеткой, и оружие вывалилось из руки висевшего. А потом ловко заарканил его другой веревкой, так что тот оказался связанным еще и по рукам. Стоящие на земле весело и довольно рассмеялись.

– Ну, теперь-то мы точно опустошим твой пояс, – хохотал один.

– А потом – живот, – подхватил второй. – Посмотрим, действительно ли, у тебя голубая кровь?

– Спорим, кишки у всех одинаковые? – продолжил третий.

– Только попробуйте! – крикнул подвешенный, несмотря на свое отчаянное положение, и завертелся, что есть силы, всем телом.

Генри вздрогнул, поняв, где он слышал этот голос. Охотник тихо приподнялся, бесшумно достал стрелу и вскинул арбалет. «Не вертись же так!» – с досадой процедил он еле слышно сквозь зубы, не имея возможности точно прицелиться.

Разбойники приблизились к своей жертве, двое попытались схватить его по бокам, чтобы тот не вертелся. Третий прикрикнул:

– Успокойся, а то сейчас же трупом станешь!

– Да, может, уже кокнуть его? Удобнее ж будет, – спросил один из держащих.

– Больно хорош пояс, неохота кровью марать, – ответил его подельник, пытаясь отстегнуть пояс. – Разденем сначала.

Тут охотник, улучив момент, когда один из разбойников сумел отстегнуть пояс и немного отошел от подвешенного, выпустил стрелу. Он метился в плечо, но в этот момент грабитель двинулся, и стрела угодила ему прямо в лоб. Разбойник упал замертво. Его соратники, ничего не понимая, бросили жертву, и, увидев в трупe стрелу, метнулись прочь, в ужасе закричав: «Эльфы! Эльфы!...» Уже через три минуты они скрылись из виду. Генри спрыгнул с дерева и подошел к ограбленному, чтобы освободить его из ловушки.

– Генри! – узнав, обрадовался тот.

– Хотел бы я знать, что ты тут делаешь, рыцарь? – спросил охотник, развязывая юноше руки.

– Я хотел тебе кинжал вернуть. Тебе ж, наверное, неловко без кинжала, – ответил Рик.

– Без кинжала мне, конечно, непривычно, но и без него мне удавалось жить спокойно, пока я вновь не встретил тебя... – проворчал Генри, забираясь на дерево, чтобы отрезать веревку, на которой болтался рыцарь. – Ты заметил, что ты опять чуть было с жизнью не расстался? А всё – твое любопытство...

– Да, ты опять спас меня, – понуро согласился Родерик, но быстро развеселился, вновь оказавшись на земле. – Кстати, тебя опять за эльфа приняли!.. Видно, здесь кроме эльфов и разбойников, действительно, нет никого. Кого ж тут тогда разбойники грабят?

– Таких болванов, как ты, – грубо оборвал рассуждения юноши охотник и полез обратно на выбранное для ночлега дерево.

Рик погрузнел. Он подобрал свой меч и сел на землю, прислонившись к стволу, ставшему временным пристанищем Генри.

– Может, я и болван... Но кинжал я тебе, все-таки, возвратил.

– Не стоило, – донесся из ветвей голос охотника.

– А зачем ты мне его оставил?

– Нельзя быть безоружным, если ты не у себя дома.

– Я удивляюсь тебе. Поступки твои всегда благородны, а слова обидны.

– Мои поступки разумны, а не благородны! – зашелестел листвою раздраженный Генри. – И вообще, не мешай мне спать! Я шел всю ночь. И я советовал бы тебе, если уж ты твердо намерен от меня не отставать, пристроиться где-нибудь тут же, повыше и отдохнуть. Лезь сюда! Тут есть еще пара вполне подходящих веток.

Услышав приглашение, Рик не заставил себя долго ждать.

– Зачем лезть здесь, рядом же есть тропинка? – спросил Рик, пробираясь за Генри через высоченную густую траву. Еще до заката они вырыли могилу убитому разбойнику, и сильно устали, так как даже рыхлую почву трудно копать мечом и голыми руками, а потом, передохнув лишь с полчаса, двинулись в путь.

– Потому что по тропинке ходят разбойники. Или тебе снова хочется услышать их голоса, как это было с русалкой?

– Нет, они не так сладкоголосы. Но думается мне, что здесь мы уже их не услышим – больно дикое место...

– Послушай, рыцарь: если есть тропинка, значит, кто-то по ней ходит. Логично? Но ты волен поступать, как знаешь. Я ж не тащу тебя за собой, сам идешь. И возвращался бы ты назад... Ты ж ищешь славы. А мой удел – одиночество и неизвестность. Вот на кой тебе в Дремучий лес, объясни?

– Я подумал, что для славы я еще не готов – слишком слаб. Учитель говорил мне, что слава хороша только тогда, когда ты понимаешь, что заслужил ее. Дремучий лес может стать для меня испытанием. Если ты когда-то был там и идешь туда снова, почему бы и мне не попробовать? Если я смогу сделать это, я буду больше уважать себя, я стану сильнее. И потом... Я должен отдать тебе долг: я тебе жизнью обязан.

– И как же ты собираешься его отдать?

– Не знаю. Может, и пригожусь как-нибудь.

– Хым, – усмехнулся охотник. – Ну-ну...

– Кажется, трава редет?

– Да, и теперь води себя тише.

Почва стала хлюпать под ногами. Путешественники вышли к болоту. Луна светила ярко, и лучи ее отражались в болотном озере причудливыми полосками. Далеко-далеко, на другом краю болота блуждали мелкие огоньки.

– Что это? – тихо спросил Рик.

– Отец говорил, это эльфы играют... Вот теперь нам следует найти тропинку. Иди точно за мной и не глазей по сторонам.

Генри большой палкой начал пробовать землю, прежде чем сделать следующий шаг, и таким способом они вышли на еле заметную тропку только к рассвету. Рыцарь слегка перевел дух: эта ночь была для него жутковатой – то неожиданно резко кричала какая-нибудь птица, то болотные огни приближались совсем близко, то ноги его погружались в жижу... Но он верил в своего проводника, шел за ним спокойно и терпеливо сносил его брюзжание.

– Мы почти у цели, – тихо сказал охотник. – Где-то пара часов, и у нас под ногами будет твердая почва Дремучего леса.

Он выглядел очень усталым. При словах о лесе глаза его сверкнули радостью, но тут же снова потухли, как будто какая-то плохая мысль оборвала его поднявшееся настроение.

– Пойдем, Рик, не время отдыхать, когда рассветет, лучше нам быть уже в лесу.

Когда, наконец, Генри объявил, что можно уже отдохнуть, Рик рухнул на землю в полном изнеможении. Солнце поднялось уже высоко и всюду пекло даже сквозь пышные кроны деревьев, хотелось пить и спать. Но охотник растеребил лежащего юношу, велел собрать хворост для костра. Довод – «ты же не хочешь, чтобы тебя съели?», – все же, поднял юношу с земли, и он чуть ли не ползая на четвереньках от усталости, насобирав сухих веток, пока не менее изможденный Генри потрошил тушку тут же пойманного им зайца. Как только условились спать по очереди, рыцарь сразу же провалился в сон, сквозь который ноздри его приятно щеко-тал запах жареного мяса.

Пока охотник отсыпался, Рик доел остатки жаркого и, поглядывая по сторонам, убедился, что зверье в лесу было, действительно, не пуганым. Сквозь стволы деревьев на него поглядела любопытная косуля, вокруг прыгали белки, мелькнула рыжим хвостом лиса. «Хорошо, что не медведь», – боязливо подумал рыцарь. Ему еще хотелось спать, но он прилежно подкладывал хворост в огонь.

Генри проснулся, когда уже стало вечереть, и Рик начал клевать носом.

– Переночуем у этого костра, в темноте нам сложно будет найти хижину. Спи, Рик, а я пока еще что-нибудь подстрелю, чтобы поесть: что-то я опять голодный, – решил охотник.

– Необязательно стрелять, – ответил устраивающийся сладко поспать юноша. – У меня в котомке есть немного хлеба и сыра. Я нес их тебе, подумал – наверное, тебе тошно есть одно только мясо.

– Вот это да! – так и подскочил Генри. – Давай же скорее, рыцарь! Это же праздник!

Глаза его так и залучились удовольствием, когда Рик подал ему кусок хлеба. Юноша, гордясь своей сообразительностью, с радостью наблюдал, как осторожно, стараясь есть как можно медленнее, Генри смаковал каждый положенный в рот кусочек. Съев треть от отданного ему рыцарем куска, он передал остаток обратно юноше. Родерик не хотел было брать, но охотник сказал:

– Оставь на завтра. Даже тебе теперь не скоро придется есть хлеб, Рик. Спасибо! Я мечтал об этом...

Впервые за последнюю встречу спутник посмотрел на рыцаря по-доброму.

Довольный юноша уснул, а охотник, отпив из своей дорожной фляги воды, подумал, что боги не оставили его.

Утром, слегка перекусив очередной подстреленной Генри дичью, путники отправились вглубь леса искать охотничью хижину. Тропок в лесу, кроме звериных, не было. Но охотник упорно разыскивал и находил какие-то приметы, и к вечеру они, все-таки, вышли к небольшой полянке, на которой стояла грубо срубленная, обветшавшая от времени, обросшая травой и кустарником лачуга. Генри громко крикнул, проверяя, нет ли кого внутри, но кроме обычных звуков леса, путешественники ничего не услышали. Зажав на всякий случай кинжал в руке, охотник осторожно вошел внутрь. Хижина была пуста. У Генри защемило сердце, когда он увидел, что ничего в этом домике, по сути, не изменилось с тех пор, когда он был здесь с отцом. Но, прогнав грустные мысли, он вышел на порог и сказал с улыбкой на лице:

– Что ж, вот он – мой новый дом. Заходи, Рик – гостем будешь!

Разведя в маленьком очаге огонь, набрав воды из ручья, журчащего недалеко от хижины и поужинав, они улеглись отдыхать.

Генри понимал, что спит, когда увидел, как тихо отворилась дверь охотничьей лачуги, и вошла Шейла. Она шла с закрытыми глазами, но подошла прямо к нему. Волосы девушки были украшены цветами, и в руках она держала букет, и одета она была так же, как тогда, когда ее провожали в последний путь.

– Генри, любовь моя, ты сильно обидел меня, – сказала она, и голос ее дрогнул. – Но я не умерла. Я заснула. Эльфы поняли это и перенесли меня из лодки сюда, в пещеры предгорий. Проснись, пойди за яркой звездой, и она приведет тебя ко мне. Один из эльфов придет проводить меня перед рассветом, спроси его, как разбудить меня. Прошу тебя, сделай для меня хотя бы это!

Генри хотел что-то ответить, но у него защебетало за ухом, он сделал движение рукой – Шейла исчезла. Генри перевернулся на другой бок, пытаясь заснуть вновь, но теперь зачесалось другое ухо. Он сел на лежанке, сильно потеряв руками ушные раковины, чтобы прогнать это ощущение. Напротив него на втором лежаке мирно спал рыцарь, в очаге дотлевал огонь, дверь была закрыта на щеколду. Охотник вздохнул, подбросил в очаг хвороста, и вышел из домика – после тяжелого сна ему как будто не хватало воздуха. Как когда-то в детстве, он взглянул на небо, и мурашки побежали у него по коже: звезда, ориентируясь на которую он шел уже несколько дней, сошла со своего места. Более того, она приближалась по направлению к Генри. Охотник не выдержал и сделал пару шагов ей навстречу. Звезда, как будто маня за собой, стала отдаляться. Плотнo прикрыв дверь лачуги, в которой все также безмятежно спал Рик, охотник побежал за мелькавшими сквозь ветви лучами, еле успевая делать на ходу зарубки на стволах деревьев. Наконец, звезда остановилась рядом со скалой, чуть помигала над ней, и взмыла в небо. Генри пригляделся и увидел в скале небольшой лаз, из которого пробивался какой-то неясный призрачный свет. Согнувшись, охотник протиснулся туда и оказался в пещере с высокими сводами, освещенной парой тускло горевших факелов. Прямо перед ним на небольшом каменном возвышении на подстилке из сухой травы и листьев, лежала Шейла – в точности такая же, какой он видел ее во сне. Генри вздрогнул. Не веря своим глазам, он подошел к ней и тронул руку – пальцы ее были холодны. И, все же, выглядела она, как живая. Тогда Генри наклонился и поднес к ее губам свою щеку, и ему показалось, что она легонько дышит, но, возможно, это было лишь движение воздуха от попадавшего в пещеру сквозь лаз ночного ветра. Он опустился перед девушкой на колени и стал ждать. За это время в глубокие чувства вины и жалости, настойчиво бередившие его душу, примешалось что-то еще. Генри думал, что раньше не сумел даже хорошо рассмотреть ее. Сейчас, вглядываясь в тонкие черты ее лица, он понял, что не видел в своей жизни ничего красивее. Ее нежная внешность не могла не вызывать восхищения, и как он мог так оскорбить ее?

Два часа прошли для него в тягостных раздумьях, но неожиданно он почувствовал, что в пещере есть кто-то еще. Охотник отвел глаза от лица Шейлы и увидел, что в ногах ее ложа, стоит невысокий человечек весьма плотного сложения. Как он там оказался, Генри не заметил. Человечек держал в своих пухленьких коротких ручках большую охапку свежих цветов, душистых и мокрых от предутренней росы.

– Хм, – хмыкнул человечек. – Пришел взглянуть на дело слов своих?

– Здравствуйте, – охотник постарался быть вежливым.

Человечек ничего не ответил, а начал быстро и ловко менять завядшие бутоны вокруг Шейлы на свежие.

– Она спит? – спросил Генри.

– Хм, – опять хмыкнул тот, покосившись на охотника. – Да, но это очень крепкий сон – на всю жизнь. Я стерегу его. Пока она здесь, она видит только приятные сны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.